

Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах
дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова

А.М. Дубовиков

Поволжский государственный университет имени
Тольятти, Российская Федерация

В год 350-летия со дня рождения Петра I исследователи, посвященные его эпохе, имеют и общественно-политическую, и научную актуальность. Отношения царя Петра с казачеством были непростыми. С одной стороны, казаки принимали активное участие в походах и войнах, которые вел сам Петр I. С другой стороны, царь приложил немало усилий к тому, чтобы отобрать у казачества многие его прежние привилегии и «вольности», обратив его в послушное «служивое сословие». Удар по казачьи «вольностям» Петр нанес в ходе подавления восстания донского казачества под руководством Кондратия Булавина в 1707–1708 гг. Спустя десятилетие царь взялся наводить порядок в Яицком казачьем войске, где работал комиссар полковника Кроткова и сменившего его полковника Захарова. Параллельно с поисками «изменников» и «мятежников» была проведена перепись казаков и иногородних жителей Яицкого казачьего войска. Благодаря переписи предполагалось установить не только численность населения края и расписать казаков по категориям (служивые, отставные, малолетки), но и доказать этническую принадлежность, а также выявить регионы, откуда прибыли на Яик они или их предки, и кем они ранее были. К сожалению, войсковой архив Уральского (бывшего Яицкого) казачьего войска до нашего времени не сохранился. В статье показана главная версия его исчезновения и приведены материалы, которые могут частично восполнить имеющуюся в том архиве информацию. Прежде всего, это та, которая посвящена истории Яицкого казачьего войска в эпоху Петра I, которой посвящена статья. В связи с этим определенную ценность представляет глава из книги «Топография Оренбургской губернии» П.И. Рычкова «О ведомстве Войска Яицкого и о их обстоятельствах». Еще больший интерес вызывает труд А.Б. Карпова «Уральцы», хронологические рамки которого охватывают период от возникновения казачьей общины на берегах Яика до ее истории в эпоху правления Петра I включительно.

Ключевые слова: Яицкое казачество, Архив Уральского казачьего войска, эпоха Петра I, перепись Яицкого казачьего войска, предания яицких казаков, Атаман Андрей Бородин, атаман Григорий Меркурьев, атаман Илья Меркурьев, поручик Е.Г. Кротков, полковник И.И. Захаров, П.И. Рычков, А.Б. Карпов.

Для цитирования: Дубовиков А.М. Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №4. С.122–137.

Важнейшим источником для исследования различных эпох и событий являются архивы. К сожалению, архив Уральского казачьего войска был безвозвратно утерян. Версии относительно его судьбы были различные, наиболее вероятная из которых опубликована в 1988 г. Н.П. Ивлевым и Н.М. Щербановым [4, с.79–87]. Согласно ей, в январе 1919 г., казаки, тезимые Красной армией, сдали Уральск. Не желая, чтобы их войсковой архив попал в руки противника, они заблаговременно решили его надежно спрятать до своего возвращения, в которое они твердо верили. Ценные документы надежно замуровал в одном из подвалов печника, представленный к месту работы с завязанными глазами офицерами и казаками. Получив приличные деньги, он обещал молчать о проделанной работе. Красные удержали город, выдержав осады в апреле-июле и в сентябре-октябре 1919 г. Лишь спустя много лет печник, будучи уже престарелым человеком, рассказал о случившемся в 1919 г. Но властям города и области судьба того архива была мало интересна; история казачества воспринималась как нечто чуждое, тем более что область на тот момент давно была частью Казахстана. Как-то во время строительства новых домов и сноса старых, среди строительного мусора обнаружилась какие-то кустевшие, рассыпающиеся в труху бумаги, на которые никто не обратил внимания. Возможно, это и было то, что когда-то было архивом. Однако в любом случае, сегодня, спустя более столетия после трагических событий 1919 г., архивные бумаги не могли сохраниться в темном сыром подвале, и замурованный архив можно считать безвозвратно утерянным.

С документами войскового архива во второй половине XIX в. работали поручик Генерального штаба г.-д. Рязинин и учитель Уральской мужской гимназии (позже преобразованной в реальное училище) В.Н. Витевский. Тогда же архив посетил столичный профессор Н.Ф. Дубровин, автор книги «Пугачев и его сообщники». Часть архивных документов они разместили на страницах своих книг [2; 3]. Причем Витевский, кроме своего основного труда, опубликовал еще ряд книг и статей. На рубеже веков в том архиве работали В.Г. Короленко, желавший собрать материалы для будущего романа «Исбеглый царь» о Е.Пугачеве.

Но особенно следует отметить А.Б. Карпова, казака-офицера, который, выйдя в отставку в самом начале XX в., занялся исследованием истории родного края. Большую часть своего свободного времени он посвятил работе с документами войскового архива, а также с документами, полученными из московских архивов, прежде всего, из Московского отделения Архива Главного штаба и Московского архива Министерства юстиции. Благодаря ему были обнародованы многие ценные материалы, хотя зачастую уже в его обработке и интерпретации. Его обширный труд содержит свыше тысячи страниц [5], включая приложения и составленные автором таблицы. Это был 1-й том из трех, запланированных автором, которому

ранняя смерть помешала продолжить работу. Однако именно 1-й том содержит материалы, относящиеся к эпохе царствования Петра I.

Интересные сведения о яицких казаках имеются в труде П.И. Рычкова [11]. Хотя автор посетил Яицкий городок в 40-е гг. XVIII в., вряд ли увиденное им существенно отличалось от реалий петровского времени. «Жительства в Яицком их городе (который от Оренбурга 269, а от города Самары, что на Волге, через пустую степь 230 верст) дворов около трех тысяч, построены больше по старому реки Яика течению, что у них называется Старицей, со внутренней стороны, да по реке Чагау, которая тут же впала, а отчасти и по Яику, но все на внутренней стороне... Улицы в нем по большей части тесные, а некоторые так узки, что двум телегам разъехаться почти невозможно», – отметил Рычков [11, с. 92].

Изменения, произошедшие в войске в ходе реформ Петра, не нашли отражения в труде Рычкова, в отличие от изменений, имевших место во второй четверти XVIII в. (линейная служба и т. п.).

Во второй половине 1730-х – первой половине 1740-х гг. шел процесс формирования новой (Оренбургской) губернии на юго-востоке России, в состав которой вошло Яицкое войско, ставшее позже «Уральским». С этого времени ведется история Оренбургского областного архива, куда поступают документы, касающиеся истории Уральского (Яицкого) войска, но самые ранние из них относятся уже к 1736-м гг.

Много ли сохранилось документов по истории яицкого казачества в период, предшествующий основанию Оренбурга? В Российском государственном архиве древних актов таковых отложились в основном в фонде «ногайские дела», где речь идет о конфликтах казаков с ногайцами, и о жалобах последних в Москву.

Ценным источником из петровских времен является перепись Яицкого войска, проведенная полковником И.И. Захаровым. Это дело хранится в Российском государственном военно-историческом архиве [9]. Целью, с которой Захаров прибыл на Яик, было расследование дела «об измене яицких казаков» (больше мнимой, чем реальной) с последующими наказаниями всех, кого признали виновными. Перепись велась параллельно и отнюдь не ради статистики, а как один из элементов «наведения порядка» в Яицком войске. Собственно, работа комиссии Захарова продолжила работу, начатую незадолго до этого комиссией Е.Г. Кроткова.

Появление на Яике казачьей общины Рычков датировал концом XIV в. Свою роль здесь сыграли казачьи предания о том, чем занимались яицкие казаки при хромом Тимуре, во время Куликовской битвы и т.п. От атамана Ильи Меркурьева и его старшин Рычков услышал, что первым атаманом на Яике был легендарный Василий Гугня («некто из донских казаков именем и прозванием Василий Гугня»), который «прибрав себе в товарищество тамошних казаков человек с тридцать, в том числе был один татарин, отлучился с Дону на промысел, или паче для воровства». Ватага

Василия «промышляла» на Каспии, а затем, «дошед до устья, до протоков реки Яика, коими она в помянутое море впадает, пошли по ней вверх». Все это происходило «когда Темир-Аксак, а по европейскому названию Тамерлан, со многими татарскими войсками разные области разорял», т.е. «могло быть сие в исходе 14 или в начале 15 столетия» [11, с.279].

Указанные предания, как и многие другие, появились сравнительно поздно. Передаваясь из уст в уста, они дополнялись новыми «подробностями». То, что услышал Рычков, содержало явные ошибки и неясности: например, Астрахань в них названа русским городом «на реке Яика не очень далеко есть российские города – Астрахань и другие»⁸, хотя речь шла об эпохе Тамерлана. Впрочем, Рычков относился к полученной информации скептически («всем войском о начале их за многопрошедшим временем основательно показать не могли, для того, что грамотных людей у них и поныне еще мало») [11, с.282].

Подобные легенды нашли отражение в работах А.И. Левшина [6] и А.С. Пушкина [8]. Первый из них, посвятив свою книгу истории уральского (яицкого) казачества, признал, что «детали его ранней истории безвозвратно утрачены. Пушкин же в своей книге, ставшей серьезным научным трудом по событиям пугачевщины, более раннему периоду уделил не так много места, кратко пересказав информацию, полученную у Левшина.

Предания, содержащие географическую и историческую путаницу, фиксировали и другие авторы, общаясь с казаками. В этом плане интересно одно из них, записанное В.Н. Витевским. Согласно ему, казачью общину на Яике основал донской казак по прозвищу «Рыжечек», отличившийся тем, что с помощью хитрости одолел золотоордынского богатыря. Это, якобы, имело место за три века до пугачевщины, а казак служил русскому императору Михаилу [1, с.206–208]. Если это происходило в XV в., речь могла идти не о русском, а о византийском императоре Михаиле VIII. Пасть на него могла не Орда, а Турция, и в войске Михаила не было донских казаков. Легенда о Рыжечке (правильно – не «Рыжечек», а «Рыжечка») бытовала на Яике в самых разных вариантах – с кем только он не выходил на дуэли, последний из которых датирован Северной войной. Эту легенду Витевский пересказал с иронией, но счел, что под императором Михаилом подразумевался царь Михаил Федорович, которого народная молва перепутала с Иваном III.

В «Топографии Оренбургской губернии», Яицкому войску посвящена глава «О ведомстве Войска Яицкого и о их обстоятельствах». Кроме того, и в других главах Рычков упоминает отдельные детали, касающиеся истории и быта яицкого казачества (казачьи городки и форпосты, их местоположение и история, различные казачьи промыслы – рыболовство, добыча соли и т.п.).

Казачьи предания Рычкову пересказал «войсковой атаман Бородин с старшинами, в бытность его в Оренбурге 1759 года» [11, с.250]. Эти све-

дения Рычков счел более объективными, нежели те, что он услышал ранее («еще в 1744 году по сказаниям некоторых Яицких казаков, а потом в ноябре месяце 1748 года и самому мне в Яицком их городке подался случай быть») [11, с.277].

Сбор сведений о прошлом Яицкого войска – следствие распоряжения центральной власти, которое «при господине действительном тайном советнике и кавалере Иване Ивановиче Неплюеве, которому указами из Государственной Военной коллегии от 9 декабря 1745 года и от 22 июля 1748 года повелено было, на каком основании Яицкие казаки сперва поселились, какие вольности и жалованья грамотами при том даны, и генерально о всем том, что до оных казаков касается рассмотреть» [11, с.277–278].

Рычков отметил, что кроме сведений, полученных Неплюевым, имелся и другой источник – челобитная Федора Рукавишникова (Крашенинникова) Петру I от 1720 г. «Вышеписанное все записано с словесного объявления помянутых войсковых атаманов, но что до самых дел и канцелярских справок принадлежит, по другому основанию на то лет, кроме означенного определения в бытность у них помянутого господина действительного тайного советника Неплюева ноября 22 числа 1748 года учиненного», – отметил Рычков. И добавил, что, кроме того, имеется «отпуск с доношения, кое в прошлом, 1720 году, станичный атаман Федор Крашенинников подал в Государственную Коллегию Иностранных Дел» [11, с.290]. Крашенинников назван «станичным атаманом» не потому, что возглавлял какое-то казачье селение; «станица» также называли группы казаков, отправляемые с поручениями куда-либо. Именно такую станицу, отправившись в столицу с челобитной, и возглавил Рукавишников-Крашенинников.

Илья Меркурьев (атаман Яицкого войска в 1748–1755 гг.), конечно же, помнил Петровские времена. «В сию мою бытность тогдашний войсковой атаман Илья Григорьев сын Меркурьев в разговорах со мною о началах того войска, против учиненного в вышеозначенном описании объявления, гораздо подробнее сказывал», – отметил Рычков [11, с.278].

От атаманов и старшин Рычков услышал предания не только о первых казаках, осевших на берегах Яика, но и о многом другом. О постепенном складывании семейно-брачных отношений, о женитьбе казаков на калмычках и татарках. Об отношениях с Москвой и о начале «государевой службы». О неудачных походах на Хиву во главе с атаманами Нечаем и Шамаем. О нескольких переносах Яицкого городка на более удобные места. Чем более отдаленными были события, о которых велся рассказ, тем больше было легенд и мифов, но события не столь отдаленные (включая эпоху Петра), выглядели более достоверно.

«В 198 году Войско Яицкое командировано было в Чигиринский поход, а потом и прочия службы по грамотам и по нарядам порядочно отправлять стало», – записал Рычков [11, с.290]. Дата указана согласно старому летоисчислению. То есть, речь шла о 7198 (1689/1690) годе. Однако известно, что Чигиринские походы имели место в период русско-турецкой войны 1672–1681 гг. Видимо, казаки (и Рычков) перепутали события. В 1689 г. состоялся «второй крымский поход» Василия Голицына, в котором противником России, как и во время Чигиринских походов, был крымский хан. Очевидно, этот поход и имелся в виду.

Атаман и старшины забыли про участие землевладельцев в Смоленской войне, о чем имелись документы, использованные позже А.В. Карповым.

О переписи Захарова Рычков сообщил следующее: «О нарядах и о службах прежних лет онаго войска, начиная с 191 года, в оном же определении порознь значится с показанием и сего, что корпус их впервые счислен в 1723 году, по переписи полковника Захарова, а именно: действительно служащих старшин и казаков 3196 человек, а за тою переписью пришлых людей принимать им было запрещено».

Далее Рычков отметил, что Неплюев предложил реформировать существовавшую военную организацию Яицкого войска: «По учреждению ж господина действительного тайного советника Неплюева, разделены они были на семь станиц, или полков, в каждой по 508, а в семи станицах 3556, с войсковым же атаманом и с прочими войсковыми, и с принадлежащими к ним чинами 3572 человека» [11, с.293]. То есть, после 191-го (1682 или 1683) года «государственная служба» стала для казаков обязанностью, тогда как ранее такая служба была добровольной и на взаимовыгодных условиях. Видимо, это произошло в начале правления Софьи Алексеевны, после подавления разинского и солвецкого восстаний, различных старообрядческих волнений и «хованщины». Также атаман и его старшины сообщили об окончательном запрете приема «пришлых людей». Наверняка, такой запрет был, в том числе, связан с подавлением восстания под руководством Булавина, после которого к моменту переписи Захарова прошло не так много времени.

Кроме того, запрет не коснулся представителей тюркских народов и калмыков, не являвшихся русскими подданными. Захаров в ходе переписи выявил 34 калмыка [5, с.892], численность которых в войске продолжала расти, о чем свидетельствует указ 1753 г., запретивший принимать в казаки калмыков, прибывших на Яик после 1736 г. [12, с.328]. Что же касается проекта Неплюева, то он, по всей видимости, не был реализован. Согласно переписи, проведенной накануне пугачевщины, станичное (полковое) деление отсутствует, а казаки по-прежнему расписаны по 32 сотням [11, с.293–294]. Деление на полки с соответствующим штатом в Уральском войске было введено лишь при Александре I.

И все же две станицы в Яицком войске имелись, но обе они являлись анклавами, расположенными за пределами основной территории Яицкого войска. Это Илецкая и Сакмарская станицы. Правда, первой из них при Петре I еще не было, так как она появилась «в бытность при Оренбургской комиссии главным командиром тайного советника Василия Никитича Татищева» (то есть в 1737–1739 гг.). Но «Сакмарская станица, заселена еще лет за 30 прежде города Оренбурга охотниками из Яицкого корпуса» [11, с.294], т.е. еще в эпоху Петра. И если Илецкая станица была основана по указанию властей, то Сакмарскую казаки основали сами, «к тому еще разсуждениями, что тут места хлебородныя, и лесом достаточнее» [11, с.293].

Казаки этих станиц были приписаны к Яицкому войску, но службу несли отдельно от остальных яицких казаков. Про илецких казаков сказано, что они отданы «в ведение Войска Яицкого, яко обще с яицкими казаками не служат». Более того, илецкие казаки, в отличие от сакмарских, яицкими казаками не считались, будучи отдельной общиной. Также они «имеют особые свои наряды, содержатся без жалованья хлебопашеством, звериными и рыбными ловлями» [11, с.294]. Казаки Сакмарской станицы хотя и были поноправными яицкими казаками, однако службу тоже несли отдельно: «Сия станица, как и Илецкая, обще с Яицким войском за отдаленностью от оного не служит, а употребляется к разным делам и нарядам по Оренбургу» [11, с.294]. Население Сакмарской станицы было немногочисленным: к концу 1748 г. в ней проживали «казак-ов русских 200, дворян и офицеров до 50» [11, с.294]. Очевидно, эти цифры приблизительны. При этом учитывались лишь «души» мужского пола. Видимо, при Петре I их было еще меньше.

Это вся информация о Яицком войске, прямо или косвенно связанная с эпохой Петра, приведенная Гучковым. Более ценные сведения содержатся в книге А.Б. Карпова, обработавшего самые разные дела: о военной службе казаков, их этническом и социальном происхождении, о набегах на соседей, конфликтах с властью, взяточничестве чиновников и старшин и др.

О списках Захарова Карпов сообщил, что в них должна содержаться «истинная сущая правда без утайки, а кроме того написанного числа ныне на Яике казаков и детей их, и работников, и хлопцов, и выходцов никого нет» [5, с.889–890]. То есть в списках не должно быть никого, проживающего на Яике незаконно. За предоставление ложных сведений виновным грозило суровое наказание: «А ежели он, атаман с товарищи, в том поданном списку иное число в перечне написали не правду, а впредь явится больше онога числа, или этой утайки, кто впредь донесет, и за то ему, атаману Григорию Меркульеву с товарищи, учинить смертную казнь по Публичному Его Императорского Величества указу, каков опубликован на Яике, а имение их взять на Его Императорское Величество» [5, с.890].

Карпов сообщает, что некоторые дела, поступившие в Архив Главного штаба, были утеряны. Например, «о изследовании Иностранной коллегией над изменником яицким казаком Иваном Карташевым и отаманом Никитою Трифоновым с товарищи, и над посланных на Яик офицерах и других чиновных людях во многих с яицких казаков взятках», датированное 1719 г. [5, с.891]. Тут речь идет о вымогательстве взяток, о жалобе в Иностранную коллегию (в чьем ведении тогда находилось войско, которая направила на Яик для рассмотрения жалоб своих офицеров и чиновников, которые, видимо, и сами погрязли во взятках.

Были и другие утерянные дела. Деятельность Захарова в одном из них названа «генерал-аудиторской экспедицией» на Яик, в ходе которой велось расследование «о тамошних отоманах, старшинах и казаках в разных обстоятельствах непристойных про Его же Величество словах, и в измене и бунте». Это свидетельство того, что деятельность Захарова сопровождалась волнениями и даже непристойными выражениями в адрес царя. Карпов обнаружил названия четырех таких дел: «Об атамане Григории Меркульеве, и о казаках Яганове и Краснощекое», «Об атамане Иване Щербакове, Федоре Рукавишникове и прочих», «О казаке Матвее Миронове» и «Об Афанасии Назарове и Василее Мордвинцове». Однако найти сами дела ему не удалось. Возле этих дел были пометки: «По оным делам какое решение было невидно». Известно, что для принятия решений из Москвы в Санкт-Петербург (в Военную коллегию) 26 декабря 1723 г. был отправлен прапорщик Сириябин. Что было передано – не известно. В итоге Карпов делает заключение: «С потерей этих документов войско лишилось одних из интереснейших и важнейших дел» [10, л.40].

Хотя в эти дела Карпов найти не смог, но уже ясно, что конфликт «войсковой» и «атаманской» сторон начался не в середине XVIII в., а намного раньше. Считалось, что начало ему положила передача Яицкому войску Гурьева и раскрытие учула (решетки, забитой в дно Яика для недопуска крупной рыбы вверх по течению). За это войско было обязано ежегодно платить около 5,5 тысяч рублей, собираемых с казаков, едущих на рыболовные промыслы [10, л.53]. Но старшинская верхушка, как выяснилось позже, собирала гораздо больше, чем отправляла в столицу [13, с.33]. Дела, упомянутые Карповым, свидетельствуют, что конфликты «войсковой» и «старшинской» начались задолго до передачи Гурьева.

Ситуацию, о которой шла речь в упомянутых выше документах, все же удалось прояснить. «Отаман Никита Трифонов» – это Никита Трифонович Бородин. В качестве походного атамана он участвовал в хивинской кампании Бековича-Черкасского, был пленен, а затем выкуплен астраханским купцом-татаринном [13, с.38]. Во время работы следственной комиссии Кроткова он попал в немилость и был вынужден спасаться взятками. Однако после прибытия на Яик Захарова Никита Трифонович, уже не будучи атаманом, вновь оказался в числе обвиняемых. Бывшего атамана Захаров

пытал и допрашивал, после чего тот был сослан в Тобольск вместе с другими казаками и старшинами, признанными виновными. При Анне Иоанновне он, уже глубокий старец, был прощен и вернулся на Яик [13, с.33].

Удалось восстановить некоторые детали и других дел, хотя не все их детали можно считать абсолютно доказанными. А.Г. Трегубов, используя труды разных (преимущественно дореволюционных) авторов, дал Матвею Мионову (дважды избиравшемуся атаманом) нелестную характеристику. «Думая лишь о благополучии кучки богатых казаков, он и его соратники нарушали все казачьи законы». Иван Карташёв, был крестником Мионова, которого крестный спас «от казни на войсковом кругу, когда тот, будучи знаменщиком, сначала занялся мародерством, а затем сбежал с харьковского похода к донским казакам в город Бердаски, а позже вернулся на Яик». Кроме того, Карташёв «писал доносы на Яицкое войско», которые «принесли много горя и тяжелых урр для яицких казаков» [13, с.34–35]. Оценка, данная Григорию Меркурьеву не так однозначна. Поначалу тот «считался защитником старых казачьих обычаев, и выступал против старшинской партии», но затем открыто перешел на сторону Москвы» [13, с.35] (центральной власти и старшин). Он так же попал под следствием из-за доносов Карташёва и из-за отказа выдать белых в 1717 г., но был оправдан [13, с.35–36]. Позитивная оценка дана Рукавишникову: «главный предводитель казачьей партии», которого «обвинили в бунте, измене», казненный по приговору Захарова [5, с.895].

Карпов проделал колоссальный труд, переработав итоги переписи Захарова и сведя ее итоги в ряд таблиц. Согласно той переписи, казаков, годных к службе, оказались 3195 человек [5, с.893–894] (расписаны по 32 сотням). Еще 250 человек числились отставными (193 – «из прежних отставных», и еще 57, добавившиеся к ним «за старостию и за болезнями»). Также негодными к службе были признаны еще 475 человек, прежде всего «за малыми летами». В эту же группу были включены негодные «за скорбию и за увечьем». Такое значительное превышение служащих над отставными и малолетними можно объяснить, что казаки тогда числились на службе с юных лет до глубокой старости. Еще 21 человек оказались негодными «по другим росписям» [5, с.30–45].

Интересен этнический и социальный состав (кем были казаки или их предки до прихода на Яик). Перепись показала, что тех, чьи предки были помещичьими крестьянами, среди казаков было больше всего – 1 840 человек (40,6 %). Вторыми по численности были потомки дворцовых крестьян – 804 человека (17,8 %), третьими – бывшие казаки из других мест – 526 человек (11,6 %). Еще 26 человек были указаны как бывшие «бобыли» (безземельные крестьяне, свободные от тягла). По 6–7 % составляли бывшие посадские люди, стрельцы и монастырские крестьяне (309, 279 и 269). Были рождены на Яике и не знали своих корней 24 человека (0,5 %). Ин-

интересно, что 7 человек ранее были дворянами. Иногда указывалась бывшая профессия (не военная), например: кузнецов – 2, ямщиков – 6.

Казаки также были обязаны указать регион, откуда вышли они или их предки. Этому Карпов посвятил таблицу в 15 страниц – настолько большим оказалось разнообразие уездов и городов России и даже Речи Посполитой [5, с.894]. Там Москва и Владимир, Тверь и Ярославль, Устюг и Хлынов, Алатырь и Курмыш, Нижний Новгород и Балахна, Белгород и Воронеж, Старый Оскол и Стародуб, Симбирск и Самар, Саратов и Сызрань, Касимов и Муром, Казань и Свияжск, Чебоксары и Уфа, Цивильск и Пенза, Варшава и Вильно, Киев и Полтава, Могилев и Полоцк, Астрахань и область Дона. Даже не так давно основанный Санкт-Петербург.

У нерусских казаков указывалось не социальное происхождение, а этническая принадлежность, отличавшаяся большой пестротой. В числе лидеров были поляки (76), башкиры (71) и татары (70). Скорее всего, под поляками имелись в виду выходцы из Речи Посполитой, независимо от этнической или религиозной принадлежности. Если к 70-ти татарам добавить 57 «новокрещеных татар», то они, вместе взятые, окажутся на первом месте. Еще 58 человек записаны как бывшие «ясачные». Неясак платили представители как тюркских, так и финно-угорских народов, поэтому точно определить этническую принадлежность этой категории не представляется возможным. Также яском облагались народы Сибири, но среди миграционных потоков, направленных на Яик, сибирского направления не было. Сложно сказать, кого следует понимать под «черкасами»; так могли называть и черкесов Кавказа, и «старороссийских» казаков. Таковых было 23 человека. В отношении кадыкеевских оказалось 34 человека, вопросов не возникает. Все остальные «диаспоры» были слишком малочисленны. Волохов (румын и молдавы) было 17, мордвы – 15, шведов (как и турок) – по 4, немцев – 2. Ногайцев, черемис (марийцев) и чухонцев (прочих финно-угров) – по одному человеку. Странно, что ногаец в переписи был указан отдельно, тогда как обычно их относили к татарам. «Турками», скорее всего, были названы крымские татары.

Таким образом, к концу правления Петра I:

- примерно 2/3 всего состава Яицкого войска (64,7 %) составляли бывшие русские крестьяне (дворцовые, помещичьи, монастырские, бобыли);

- имевшие прежде невоенные занятия (посадские люди, кузнецы и прочие) в войске составляли 7,8 %;

- занимавшихся до прихода на Яик военным делом (стрельцы, казаки из других регионов) или же родившихся в семьях казаков было 18,3 %;

- представителей нерусских народов было свыше четырехсот человек, или чуть более 9 %, примерно 2/3 из которых (около 6 %) составляли представители тюркских народов;

– определить религиозную принадлежность разных категорий казаков не представляется возможным. Но более поздние переписи показали, что основную массу казаков составляли старообрядцы разных направлений. Но, ни их количество, ни их распределение по толкам или соглашениям установить невозможно. То же касается и представителей нерусских народов. Наверняка среди были православные, мусульмане и буддисты, а также с большой долей вероятности католики, протестанты, возможно, и сектанты.

Среди жителей края было 350 человек (включая 26 детей), не входивших в казачью общину. Одни из них «жили своим двором», другие «жили у казаков в работе». Первых было примерно вчетверо меньше, нежели вторых (74 и 279 человек). Видимо, первые жили семьями, вели свое хозяйство и планировали проживать на Яике постоянно. Вторые, будучи наемными работниками или батраками, не планировали задерживаться в войске навсегда, а потому проживали там без семьи. Обо всем этом наглядно свидетельствуют цифры: среди первых было 57 взрослых и 17 детей, среди вторых – 267 взрослых и только 12 детей. Среди первых крестьянами были 54 человека (73 %), представителями нерусских народов – 8 человек (10,8 %). Двое ранее были стрельцами. Среди вторых крестьян было 175 человек (62,7 %), нерусских – 68 (24,4 %). К этой же категории относились 8 бывших стрельцов, 3 «пришедших казака» и даже 1 дворянин [5, с.894–895].

Перепись показала, что нерусские были не только представителями местного или коренного российского населения. Среди «работников» были и пленные шведы, которые стали батраками казаков отнюдь не по доброй воле. Вот лишь некоторые примеры: «Живу у казака Василия Арапова, швед городка Кюлли, завоеван яицкими казаками и крещен в 1710 году» (показание работавшего у Василия Арапова «шведа» Степана Васильева). «Шведы-чухонцы, завоеваны яицкими казаками Алексеем Кулявниным с товарищи и привезены на Яик» («шведы» Иван и Егор Алексеевы). Очевидно, пленных шведов обычно перекрещивали, давая им новые имена, и давая фамилии по именам хозяев – Алексеевы (работники казака Алексея), Васильев (работник казака Василия) и т.д. Некоторые были куплены, а не завоеваны казаками. Так, один из них, «чухонец швед, завоеван под Новым Городом, продан Московской таможни сторожу Михайлу, а он продал его яицкому казаку Степану Чернову в 1717 году». Упоминание «шведов-чухонцев» является свидетельством, что речь шла не о шведах, а о представителях финно-угорских народов, являвшимися шведскими подданными. Однако некоторые из них предпочли все же называться финнами, например, «Василий Корелин, финлянец городка Корелы, чухонец, завоеван под тем городом яицкими казаками, года не помнит». Некоторые работники так привыкли к казачьему быту, что называли годы по новому летоисчислению, но на старый лад: «Швед местечка Улы, завоеван и кре-

щен яицкими казаками в семь сот втором на десять году» [5, с.74]. И это еще не все шведы. Видимо некоторые из них стали казаками, о чем свидетельствуют указанные выше итоги переписи [5, с.892].

Среди интересных документов эпохи Петра, опубликованных Карповым, можно отметить челобитные бывших пленников, находившихся в плену у шведов и хивинцев. Челобитчики просят выдать им жалование за время нахождения в плену, рассказывая подробности попадания в плен, нахождения в плену и освобождения.

В челобитной Никиты Болдырева, значится, что с 1705 по 1719 гг. он участвовал в Северной войне («в прошлом, 1703, году по указу Вашего Императорского Величества, посланы мы с Яику от Войска в армию пять сот человек, и служили при армии в команде поручика Бахметева, и в 1711 году командированы в партию с маэором Жересловым»). Затем он был «взят в полон и был в полону в Стекте до 1719 год, а в 1719 году из полону свободился на размену». Далее Болдырев сказал, что «за полонное терпенье Вашего Императорского Величества жалованья не получал». По этой причине он даже не просит, а прямо-таки требует положенное ему жалование («и чтоб указом Вашего Императорского Величества повелено было мне против моей браться Вашего Императорского Величества жалованье за полонное терпенье выдать»). Упомянув «братью», он имел в виду своих земляков, есаула Григория Иванова и прапорщика Михайлу Степанова. После освобождения из хивинского плена им было выплачено жалование («наша братья казаки были в полону в Хиве, и оным за полонное терпение Вашего Императорского Величества за жалованье повелено выдать») [5, с.75].

Не всем бывшим в хивинском плену государево жалование поступило вовремя, о чем с челобитной к Петру I обращался Андрей Никитич Бородин (сын атамана Никиты Бородина, о котором речь шла выше, и который также попал в плен). Из челобитной Андрея Бородина явствует, что он «по Его Царского Величества указу, и по наряду князя Александра Черкасского был при яицких казаках прапорщиком». Годовое жалование в то время составляло «прапорщикам по 15 рублей, рядовым по 10 рублей». Кроме того, ему, как участнику похода, было «против прапорщического оклада выдано 15 рублей» дополнительно. Уже в Хиве было «откомандировано из яицких казаков 100 человек, и посланы в команде полковника Михаила Крейтова наперед к хивинскому хану, и от того хивинского хана взяты они в полон». При той команде находился и Бородин, который был «в том полону года с три», после чего был «прислан он от него, хивинского хана, в подарок калмыцкому хану Аюке, от которого отправлен с письмом на Яик в прежнюю казацкую службу». Интересно, что о возвращении на Яик Андрея Бородина (как и его отца) позже ходили разные легенды – сбежал из плена, выкуплен земляками и т.п. Но нет ничего правдивее, чем рассказ о собственных злключениях, сообщенный Военной коллегии. В

своей челобитной Андрей Бородин «бьет челом, чтоб Царское Величество пожаловал его, указал на оные 3 года, в которые он был в полону» [5, с.81]. Можно добавить, что в 1741 г. он стал войсковым атаманом, но через семь лет был убит (смертельно ранен) казаком Андреем Скопчиком в ходе разгоревшихся в войске волнений [13, с.44].

Другой их земляк, Иван Железнов, также побывал в хивинском плену, но не у хана, а у частного лица. Он также был в команде Керейтова, вместе с которой был захвачен в плен. Затем Иван, вместе с другим казаком, имени которого он не указал, после того как их попытались «привести в веру басурманскую», бежали, похитив у хана коней, но в итоге были захвачены людьми «трухменского владельца» Балкты Батчи, продержавшего их в оковах примерно год. К счастью, у того состоялся проездом калмыцкий посол Махулай-батыр, который отобрал казаков у Балкты и доставил их своему хану, и «Аюка-хан, за свое Царское Величество, нас наделил: дал по шубе, по лошади, по сапогам, по рубашке, опустил нас за Твое Государево здравие с честью». Челобитная завершается предсказуемо: «Прикажи, Государь наш: по прежнему жить на Яике, и Своею милостию нас пожаловать, понеже не не малое имеем себе коней и ружей, и жалованья за выше помянутые годы, и за наше солонное перпенье Свое Государево жалованье нам выдать, а мы, рабы Твои, за Твое Царское многолетнее здравие рады служить в казачьей службе до последней капли крови своей» [5, с.80].

Эти челобитные свидетельствуют, что русским военным, попавшим в плен, также полагалось жалование, как и тем, кто был в строю. Такая забота о своих пленных очень показательна, если сравнить ее с отношением наших владетельцев к своим пленным в это время.

Не только Андрею Бородину или Ивану Железнову, но и некоторым другим якиким казакам посчастливилось вернуться из хивинского плена. Однако не все, оставшиеся в живых после того похода, побывали в плену; были и те, кто смог спастись и вернуться на родину. По возвращению они давали показания, позволившие восстановить картину того злополучного похода. Показания Федора Емельянова и Михайлы Белотелкина, хранились в Архиве Главного штаба и были опубликованы Карповым. Еще ранее эти материалы появились в книге А.Н. Попова [5, с.98–101].

Казаков допросил порознь (дабы меж ними не было сговора) казанский губернатор Петр Салтыков. Емельянов подробно описал весь ход действий отряда Черкасского, включая переговоры с ханом, подарки которому вез и он. Описал он и вероломное нападение хивинцев на едва проснувшихся казаков. Став добычей одного из них, он смог бежать, прячась в камышах и воде. Собрав брошенные сухари, он отправился в обратный путь, встретив на следующий день раненого земляка Михайлу, с которым продолжили путь, оседлав откуда-то приبلудившихся лошадей. Дней через десять их встретили калмыки, доставившие их своему «вла-

дельцу» Дарже, который отправил их в Гурьев (еще не принадлежавший казакам), откуда они были доставлены в Астрахань, а затем в Казань. Показания Белотелкина аналогичны, Михайлу повезло меньше, чем его спутнику; хивинцы пытались его убить, и думали, что убили, но он чудом выжил («рубил саблями по шее и по плечам, и били в голову чеканом»). После этого он «упал на землю и лежал за смертью с вечера до полудня», после чего «хивинцы, его тутю покинули» [5, с.75–78].

С архивными документами об Уральском (Яицком) казачьем войске, наряду с Карповым, работал его земляк Вячеслав Бородин, написавший, но не успевший издать книгу «Краткий исторический очерк Уральского войска». Собственно, краткий очерк был бы не такой уж краткий; используя перепись Захарова, Бородин составил отдельные приложения. В том числе: «Оригинальные фамилии» (Живодристов, Задницын и т.п.) [5, с.21], «Роспись по времени прихода на Яик (1590–1722 гг.)» [5, с.24–26]», «Список казаков, прибывших с Дона» [5, с.27–29], «Города и уезды, из которых казаки вышли» [5, с.30–45]. Численность личного состава казачьи сотен: только в двух было по 100 казаков, в остальных – от 81 до 98 [5, с.47]. Время нахождения казаков на службе (от 1 до 62 (!) лет): больше всего было тех, кто состоял на службе от 15 до 22 лет, от 103 до 334 человек в каждой категории) [5, с.46–47].

Неопубликованные материалы Бородина Карпов разместил в своей книге, при этом указав, кто является их автором.

Таким образом, несмотря на гибель архива Уральского казачьего войска, содержание многих его документов нам известно благодаря работе с ними различных авторов, среди которых были как приезжие исследователи, так и местные краеведы. При этом особо следует выделить А.Б. Карпова, казачьего офицера, посвятившего истории родного края обширный труд. Известно, что в период царствования Петра яицкие казаки участвовали в азовских походах, в Северной войне, в экспедиции А.Бековича-Черкасского. Однако документы, доступные нам, содержат лишь фрагментарную информацию и отдельные детали участия казаков в этих событиях. Например, сведения о том, что у некоторых яицких казаков «в работниках» находились пленные, ранее пленённые ими. Или о том, что среди казаков, чудом выживших после трагически завершившейся Хивинской экспедиции 1717 г., были как те, что смогли спастись сами, так и те, что были выкуплены или освобождены при посредничестве калмыков.

Крупным событием в истории Яицкого (Уральского) казачьего войска стала «генерал-аудиторская экспедиция» полковника Захарова, в ходе которой была проведена первая в истории войска перепись, содержащая довольно подробную информацию о каждом казаке (биографические данные, социальное происхождение, этническая принадлежность и т.п.). Перепись косвенно свидетельствует, что формирование казачьей общины на Яике, первые сведения о которой относятся к XVI в., происходило не за

счет естественного, а за счет механического прироста казачьего населения. Кам минимум, это происходило до начала XVIII в. Это ответ сторонникам псевдонаучной «автохтонной» теории, согласно которой, казаки изначально были самостоятельным этносом с собственной древней историей.

Источники и литература

1. *Витевский В.Н.* Происхождение Уральского войска // Древняя и новая Россия. 1879. №7. С.206–216.
2. *Витевский В.Н.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Вып. 1–5. Казань: Типо-литография В.М. Клементьев, 1889–1897. 962 с.
3. *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Екатерины II. СПб.: Тип И.Н. Скороходова, 1884. Т.1. 339 с.; Т.2. 412 с.; Т.3. 404 с.
4. *Ивлев Н.П., Щербанов Н.М.* Судьба Уральского войскового архива // На Яике – городок, на Урале – город: историко-краеведческие материалы. Уральск, 1988. С.79–87.
5. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Т.1. Уральск, 1911. 103 с.
6. *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб.: Тип. Главного штаба, 1827. 84 с.
7. *Попов А.Н.* Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. 188 с.
8. *Пушкин А.С.* История пугачевского бунта. СПб.: Тип. Собственной ЕИВ канцелярии, 1834. Т.1. 110 с.; Т.2. 33 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.13. Оп.1 Д.21.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп.1. Д.505/1.
11. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 2-е. Оренбург: Тип. Бреслина, 1887. 108 с.
12. *Толбукин В.Д.* Уральское казачье войско. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866. Ч.1. 420 с.; Ч.2. 108 с.
13. *Треуголов А.Г.* От Гурли до Толстова: атаманы Яицкого казачьего войска и накануне атаманы Уральского казачьего войска. Уральск: Тип. ТОО «Полиграфсервис», 2006. 104 с.

Yaik Cossacks in the era of Peter I in the works
of pre-revolutionary authors P.I. Rychkov and A.B. Karpov

A.M. Dubovikov
Volga State Service University
Tolyatti, Russian Federation

Relations between Tsar Peter and the Cossacks were not easy. On the one hand, the Cossacks took an active part in Peter's campaigns and wars. On the other hand, the tsar made a lot of efforts to take away many of their former privileges, turning Cossacks into an obedient "service class". After the suppression of the Don Cossacks's uprising

(1707–1708) Peter attempt to restore order in the Yaik Cossacks army, where the commissions of Lieutenant Krotkov and Colonel Zakharov search for “traitors” and “rebels”, and take the census of Cossacks and other residents of the Yaik Cossacks army. Census supposed to count the number of local population and helped to divide the Cossacks by categories (personnel, retired, minors) and also to show their ethnicity, and list the places of their or their ancestors origin, and to which social group they belonged before that. Unfortunately, the military archive of the Ural (former Yaitsky) Cossack army has not been preserved to our time. The article shows the main version of his disappearance and provides materials that can partially fill the luck of course. In this regard, the chapters from the Rychkov and Karpov’s books is extremely important to fill this gap.

Keywords: Yaik Cossacks, Archive of the Ural Cossack army, the era of Peter the Great, the census of the Yaik Cossack army, P.I. Rychkov, A.B. Karpov.

For citation: Dubovikov A.M. Yaik Cossacks in the era of Peter I in the works of pre-revolutionary authors P.I. Rychkov and A.B. Karpov. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 4, p. 122–137. (In Russian)

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий и гуманитарных наук Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти, Российская Федерация); e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of Department of Social Technologies and Humanitarian sciences, Volga State Service University (Tolyatti, Russian Federation).